

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.17>

Иванова Нина Владимировна

**МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ
ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОНСАЛО ДЕ БЕРСЕО**

В статье рассматриваются произведения средневекового испанского поэта Гонсало де Берсео в контексте изменений восприятия категории времени в европейской культуре XIII века, связанных с отходом от идеи абсолютного прошлого и обращением к современной реальности. Оппозиция временных планов прошлого и настоящего играет существенную роль в организации поэтических текстов Берсео. Противопоставленные, но взаимодействующие, временные планы позволяют прочитывать тексты Берсео в двух плоскостях, на пересечении которых оказывается человек. Таким образом, фиксируется сформировавшаяся в данную эпоху обращенность к настоящему, к окружающей реальности и, как следствие, к человеку.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 75-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Лайлиева И. Д. Киргизский роман на рубеже XX-XXI вв. Бишкек: Илим, 2009. 154 с.
15. Лайлиева И. Д. Ч. Айтматов и мировой литературный контекст. Бишкек: Илим, 2000. 275 с.
16. Мадылбай Т. Феникс. Бишкек: Айат, 2008. 228 с.
17. Савина М. С. Освоение русской литературы в Кыргызстане и русскоязычное творчество киргизских писателей // Русская литература на киргизском языке и русскоязычное творчество киргизских писателей: историко-литературный очерк / под ред. М. А. Рудова. Бишкек: КРСУ, 2009. С. 131-155.
18. Хлыпенко Г. Н. Русская литература [Кыргызстана] // Кыргызстан: энциклопедия / ред. О. Ибраимов и др. Бишкек: Центр гос. яз. и энцикл., 2001. С. 443-445.
19. Хлыпенко Г. Н. Русские писатели Кыргызстана: историко-литературная справка // Хлыпенко Г. Н. Русские в Кыргызстане: научно-исследовательские статьи и материалы. Бишкек: КРСУ, 2002. С. 176-183.

IDEOLOGICAL AND AESTHETICAL SEARCH OF THE MODERN RUSSIAN PROSE IN KYRGYZSTAN

Dzholbulakova Cholpon Arsyamatovna

Arstanbekova Zhamiila Arstanbekovna, Ph. D. in Philology

Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after N. Isanov, Bishkek, the Kyrgyz Republic
lin.69@mail.ru; arstanbek71@mail.ru

The article describes the literary process in Kyrgyzstan at the turn of the XX-XXI centuries through the lenses of the Russian discourse and traces the changes it undergoes. The authors argue that the Kyrgyz literature of the end of the XX – the beginning of the XXI century has undergone developmental stages mostly correlating with stadial development of the world literature. Ideological and aesthetical search of the modern Russian prose in Kyrgyzstan indicates co-existence of different artistic methods and literary trends in the Kyrgyz literature of the XXI century. The paper concludes that the modern Russian literature in Kyrgyzstan tends to evolve from realism to post-modernism.

Key words and phrases: Kyrgyz literature; Russian-language literature; literary process; prose; artistic method; realism; post-modernism; poetics; socialist realism; literary criticism.

УДК 821.134.2

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.17>

В статье рассматриваются произведения средневекового испанского поэта Гонсало де Берсео в контексте изменений восприятия категории времени в европейской культуре XIII века, связанных с отходом от идеи абсолютного прошлого и обращением к современной реальности. Оппозиция временных планов прошлого и настоящего играет существенную роль в организации поэтических текстов Берсео. Противопоставленные, но взаимодействующие, временные планы позволяют прочитывать тексты Берсео в двух плоскостях, на пересечении которых оказывается человек. Таким образом, фиксируется сформировавшаяся в данную эпоху обращенность к настоящему, к окружающей реальности и, как следствие, к человеку.

Ключевые слова и фразы: категория времени; временной план; средневековая испанская литература; ученое искусство (mester de clerecía); Гонсало де Берсео.

Иванова Нина Владимировна, к. филол. н., доцент

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
nina.vl.ivanova@mail.ru

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОНСАЛО ДЕ БЕРСЕО

Каждая эпоха отличается своим пониманием категории времени, что находит отражение в культуре, становится одним из ключей к толкованию как целых литератур, жанров и направлений искусства, так и произведений отдельных авторов.

XIII век стал для культуры Западной Европы тем поворотным моментом, когда, по словам А. Я. Гуревича, складывается «новое темпоральное ощущение», «предпринимаются попытки перебросить “мостик времени” от эпической старины к современности» [2, с. 68]. В искусстве и литературе этого периода происходит постепенный отход от идей вечности и абсолютного (эпического) прошлого в сторону современной авторам реальности.

Этот переходный характер в восприятии категории времени, вполне соответствующий столь характерной для средневекового сознания дуалистичности, делению мира на «верх» и «низ» [4, с. 57], нашел отражение, в частности, в творчестве первого известного кастильского поэта – Гонсало де Берсео (ок. 1198 – после 1264).

Отметим, что рассмотрение творчества Гонсало де Берсео с точки зрения отражения категории времени представляется **актуальным**, так как позволяет проследить, как изменилось восприятие времени и ощущение человека во времени в испанской литературе указанного периода. **Научная новизна** данной проблемы состоит в том, что, несмотря на свое уникальное положение в истории испанской литературы (как было отмечено

выше, Берсео – первый известный нам кастильский поэт) и неослабевающее по сей день внимание к произведениям данного автора, с точки зрения преломления категории времени его произведения не рассматривались.

Следовательно, **цель** настоящей статьи состоит в том, чтобы установить способы отражения категории времени в поэзии Гонсало де Берсео и проанализировать использование категории времени в качестве одного из средств организации произведений этого автора с учетом изменений в понимании времени в европейской культуре XIII века.

Поставленная цель была достигнута в ходе решения следующих **задач**:

- в произведениях Берсео были выделены два временных плана – план настоящего и план прошлого;
- были рассмотрены способы формальной репрезентации этих планов;
- были проанализированы средства выражения категории времени в композиционно-содержательной плоскости произведений рассматриваемого автора.

Исходя из того, что Гонсало де Берсео еще не отходит окончательно от отмеченной выше дуалистичности средневекового сознания, категория времени в его произведениях также представлена двояко. С одной стороны, в его поэзии не утрачена окончательно связь с эпическим прошлым, а с другой стороны, отчетливо присутствует настоящее. А противопоставление и взаимодействие временных планов прошлого и настоящего находит отражение как в формальной, так и в содержательной сторонах произведений данного автора.

Следовательно, в текстах произведений Гонсало де Берсео можно выделить два противопоставленных друг другу временных плана: 1) **план прошлого**, заверченный и неизменный, отделенный от автора и его адресата эпической дистанцией, и 2) **план настоящего**, то есть современная автору и его адресату реальность.

Что касается формальной репрезентации планов прошлого и настоящего, то она оказывается вполне очевидной и со стилистической точки зрения относительно нейтральной.

Так, план прошлого маркирован использованием глагольных времен прошедшего плана, например: “Desque **mudó** los dientes, luego a pocos años, // **pagábase** muy poco de los seglares paños: // **vistió** otros vestidos de los monges calaños, // **podrían** valer pocos dineros los sus peaños” [9, строки 77-80]. / «А через несколько лет, когда она подросла, // совсем не нравились ей мирские наряды: // надела она одежду подобную монашеской, // не дорого стоило ее платье» (здесь и далее перевод примеров из художественной литературы автора статьи. – Н. И.).

План настоящего, в свою очередь, отмечен употреблением глагольных времен настоящего плана и повелительного наклонения, например: “Amigos e señores, **entenderlo podedes** // que a estos dos sanctos en debda lis **yacedes**; // d’esto **seet** seguros, que bien vos **fallaredes** // si bien lis **enviáredes** esto que lis **debedes**” [7, строфа 481]. / «Друзья и сеньоры, поймите, // что в долгу вы у этих двух святых; // будьте уверены, что пойдет вам во благо, // если вы им воздадите то, что должны».

В таком выборе и употреблении глагольных форм – более литературном, правильном, менее экспрессивном – сказывается принадлежность текстов Берсео к традиции письменной литературы – «ученому искусству» (*mester de clerecía*). Несмотря на то, что связь с устным народным творчеством в произведениях Берсео достаточно сильна [4, с. 55; 12, р. 41], в том, что касается использования глагольных времен, поэт отказывается от двух основных приемов, связанных с использованием глагольных форм и времен, которые мы наблюдаем в эпосе.

Во-первых, в поэзии Берсео отсутствуют столь характерные для народной эпической традиции временные перебивы, то есть изложение описываемых событий то в настоящем, то в прошедшем времени, когда, как отмечает Х. Х. Бустос Товар, стираются границы между отдельными временными планами и таким образом делается акцент на том или ином действии [11, р. 65], ср. в «Песни о моем Сиде»: “...mio Çid de los que **veyé** mucho **era** pagado: // los ifantes de Carrión bien **an cavalgado**. // **Tórnanse** con las dueñas a Valençia **an entrado**; // ricas **fueron** las bodas en el alcáçar ondrado” [13, р. 230]. / «Был доволен мой Сид тем, что он увидел: // инфанты Каррьонские хорошо выступили на ратных играх. // Возвращаются они теперь с невестами в Валенсию, // в алькасапе сыграли пышную свадьбу».

Во-вторых, Берсео не использует прием «экспрессивной антиципации» [Ibidem, р. 88-89], когда действия персонажа передаются с нарушением логической последовательности, что придает повествованию большую экспрессивность и драматизм, ср. в «Песни о моем Сиде»: “...salió por la puerta e Arlançon passava, // cabo essa villa en la glera posava, // **fincava la tienda e luego descavalgaba**” [Ibidem, р. 88]. / «Выехал он из города и переехал реку Арлансон, // рядом с городом решил расположиться на камнях, // поставил свой шатер, а затем спешился».

Поскольку Берсео отказывается от подобного стилистического использования глагольных форм и временных перебивов, то в текстах его произведений описанное нами выше довольно очевидное соотнесение тех или иных форм с соответствующим временным планом приобретает характер некой формальной опоры, на которой выстраивается дальнейшее повествование. То есть происходит перенос использования категории времени из формально-стилистической в композиционно-содержательную плоскость. Таким образом, при внешней простоте использованных эксплицитных средств автор демонстрирует умелое владение литературной (композиционной) техникой и целым рядом имплицитных художественных приемов.

К плану прошлого Берсео относит жития святых, чудеса Девы Марии и другие подобные сюжеты, отделенные от современной автору реальности непреодолимой дистанцией, которую М. М. Бахтин называет «эпической» и которая исключает «всякую возможность активности и изменения», отличается исключительной завершенностью «не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения его смысла и ценности» [1, с. 209].

У Берсео эта эпическая дистанция содержится, прежде всего, через отношение автора к излагаемому сюжету. Его установка «есть установка человека, говорящего о недостижимом для него прошлом, благоговейная

установка потомка» [Там же, с. 204]. Герои сюжетов плана прошлого – святые – воплощают для Берсео как для простого смертного и человека другой эпохи абсолютное добро, обладают исключительными качествами и являются образцом для подражания.

Это отношение проявляется, в том числе, в тех эпитетах, которыми сопровождаются в произведениях Гонсало де Берсео имена героев сюжетов о прошлом, например: “La Virgo **Gloriosa**, madre **sin dicion**” [8, p. 36]. / «Славная Дева, Мать безгрешная»; “Laurencio era homne **de muy grand sanctidat**, // sobre las gentes pobres **facié grand caridat**, // **tollíe a los enfermos toda enfermedat** // e **daba a los ciegos lumne e sanedat**” [6, строфа 47]. / «Святой Лаврентий был человеком большой святости, // к беднякам он был милосерден, // излечивал больных от болезни, // слепым возвращал зрение и здоровье».

Особой гранью такого благоговейного отношения к героям абсолютного прошлого является отсутствие у автора сомнения в истинности излагаемого. Следует помнить, что к средневековому автору не применимы современные представления об авторе художественного произведения: средневековый автор не придумывает сюжеты, а лишь пересказывает или перерабатывает их. Что касается содержания излагаемого, то оно освящено традицией и авторитетом церкви и должно восприниматься и автором, и его адресатом как истинное и непреложное. Так, Берсео часто ссылается на священные тексты (Библию, жития святых и пр.), чтобы подтвердить истинность своего рассказа, например: “Señor Sancto Domingo, **dizlo la escriptura**, // natural fue de Cañas, non de bassa natura” [10, строки 17-18]. / «Святой Доминик, как записано в житии, // был уроженцем Каньяса и происходил из благородной семьи».

Таким образом, план прошлого создает в произведениях Гонсало де Берсео некую **вертикальную плоскость текста**, на полюсах которой расположены мир небесный и мир земной, божественное и человеческое. Герои излагаемых сюжетов противопоставлены как автору, так и его адресату (слушателю или читателю) и отделены от них эпической дистанцией.

В динамике данной плоскости текста преобладает движение вверх – от человеческого, земного к божественному. Как уже было отмечено выше, святые, о которых рассказывает Берсео, воспринимаются как образец для подражания, моральный ориентир и для самого автора, и для его адресата.

При этом такая трактовка плана прошлого в произведениях Берсео не является единственной: можно заметить и обратное движение, вниз, от божественного к земному, что особенно ощущается в сюжетах, изложенных в «Чудесах Девы Марии», когда Богородица приходит на помощь нуждающимся в её заступничестве. Отметим, вслед за З. И. Плавским, что в таких случаях «логика поведения Богородицы – это логика земного мира; её характер и поступки выстроены по образу и подобию человеческих» [4, с. 57]. Так, в рассказе о неграмотном священнике, которому епископ запретил служить мессу, Дева Мария является епископу и ругает его за это, не стесняясь в выражениях, – “dixoli fuertes dichos, un brabiello sermón” [8, p. 36], в другом рассказе Богородица приходит на помощь пьяному священнику и палкой отгоняет напавшего на него льва: “Veno Sancta Maria como solie venir // Con un palo en mano pora león ferir” [Ibidem, p. 71].

Важно, что таким образом происходит взаимодействие между обозначенными выше полюсами вертикальной плоскости текста. План прошлого в произведениях Берсео при всей его поучительности, продиктованной жанром «ученого искусства», при всей ориентации на некий моральный и этический абсолют, тем не менее, приходит в соприкосновение с настоящим моментом, с реальным, живым человеком, которому адресован излагаемый автором рассказ.

При этом следует отметить, что обнаруженная нами полярность плана прошлого не содержит острого конфликта или неразрешимого противоречия. Берсео удается в определенной степени преодолеть установку средневекового мышления и искусства, заключающуюся в непримиримой противоположности возвышенного и низменного, на полюсах которой расположены абсолютное добро и абсолютное зло [5].

План настоящего, как уже было отмечено выше, подразумевает современную автору эпоху, к которой он относит себя и своего адресата (читателя или слушателя). План настоящего также имеет свой сюжет, на который накладывается сюжет плана прошлого.

В основе сюжета плана настоящего лежит противопоставление образов (точек зрения) автора и адресата.

С одной стороны, противопоставление или совмещение точек зрения автора и адресата маркируют сильные позиции произведения (начало и конец текста, поворотные моменты повествования) и создают таким образом некий «композиционный каркас» для сюжета плана прошлого. С другой стороны, противопоставление «автор – адресат» получает свое сюжетное развитие, трансформируясь в шуточный, иронический конфликт, за участниками которого закреплены те или иные роли, характерные поступки, поведение [3, с. 28].

Это **горизонтальная плоскость текста**, на полюсах которой находятся автор и его адресат.

С одной стороны, автор и адресат принадлежат одному времени и одному миру. Автор намеренно подчеркивает свою близость адресату, например то, что говорит с ним на одном языке: “**Quiero fer una prosa en román paladino** // **en qual suele el pueblo hablar a su vezino**, // ca non so tan letrado por fer otro latino: // bien valdrá, como creo, un vaso de bon vino” [10, строки 5-8]. / «Я хочу вести свой рассказ на понятном всем романском языке, // на котором люди из народа общаются между собой, // ведь я не так учен, чтобы сочинять на латыни: // а за свой труд попрошу лишь стакан доброго вина».

Автор выполняет свою дидактическую функцию, сообщает адресату что-то новое, поучает его, излагая жития святых или рассказывая о чудесах Девы Марии, и зачастую этот познавательный труд становится совместной работой автора и адресата, например: “En Sant Millán **vos quiero la materia tornar**, // **siguir nuestra historia, nuestro corso** guardar, // con unas pocas coplas **nuestra obra** cerrar, // decir *Tu Autem Domine, la lección acabar*” [7, строфа 483]. / «О Святом Эмилиане хочу вам еще рассказать, // продолжить нашу

историю, наш путь продолжить, // еще несколькими куплетами наш рассказ завершить // и, прочитав “Tu Autem Domine”, историю закончить».

Таким образом, с одной стороны, горизонтальную плоскость текста отличает движение от автора к адресату и совместное движение автора и адресата.

С другой стороны, если принять во внимание обозначенный выше шуточный конфликт автора и адресата, то можно заметить, что участвующие в нем стороны могут меняться местами, их позиции подвижны: происходит движение от автора к адресату и наоборот. Так, позиция автора, в основном, представлена как доминирующая. Его основная задача – сообщать новое, поучать своего адресата. Именно поэтому часто свои действия автор обозначает, используя активную модальность деятеля, например: “**Quiero fer una prosa en román paladino**” [10, строка 5]. / «Я хочу вести свой рассказ на понятном всем романском языке»; “**Quiero que lo sepades luego de la primera // cómo es la ystoria**” [Ibidem, строки 9-10]. / «Хочу, чтобы вам сразу же было ясно, // о ком эта история».

Но благодаря тому, что горизонтальная плоскость текста, в которой взаимодействуют автор и адресат, пронизана иронией, автор может представлять и в другой ипостаси: он чуть ли не жалуется на судьбу и пытается вызвать сочувствие адресата, упоминая о тяготах писательской доли, например: “**Havemos en el prólogo mucho detardado, // sigamos la estoria, esto es aguisado, // los días son non grandes, apocheçerá privado, // escribir en tiniebla es un mester pesado**” [9, строки 37-40]. / «Долго мы на прологе задержались, // будет справедливо продолжить наше повествование, // дни сейчас короткие, и темнеет рано, // а писать в потемках – нелегкая задача».

Подобные грани сюжета плана настоящего работают на эмоциональную составляющую текста. Автор в этом случае, как уже было отмечено, прибегает к иронии, использует приемы народной смеховой культуры, что контрастирует с подачей сюжетов плана прошлого, пронизанных более высокой эпической традицией.

Выделенные нами план прошлого и план настоящего в поэзии Гонсало де Берсео существуют в текстах его произведений не отдельно или параллельно друг другу, а в тесном взаимодействии. Постоянная смена временных планов, которая наблюдается в пространстве текстов Берсео, придает им особую динамику.

При этом смена временных планов происходит в следующей последовательности: от настоящего к прошлому, а затем опять к настоящему. Таким образом, именно настоящее становится отправной, и финальной точкой в динамике текстов Берсео, обрамляет и пронизывает прошлое.

Основное дидактическое содержание в произведениях Гонсало де Берсео сосредоточено в плане прошлого, но переключки с планом настоящего делают его актуальным, оживляют, нацеливают на конкретного человека – слушателя или читателя текста.

Следовательно, отталкиваясь от прошлого, Берсео ориентируется на настоящее, в нем видит направленность своей деятельности: в этом и проявляется то изменение в понимании категории времени, которое постепенно сформировалось в европейской культуре к XIII веку. За этим новым пониманием времени можно разглядеть зарождающийся новый взгляд на мир в целом. Происходит смещение акцента не только на современную эпоху, но и на человека как её становящегося субъекта, деятеля, а не только объекта. Так, благодаря проработанному плану настоящего произведения Гонсало де Берсео ориентированы, прежде всего, на адресата, обращены в плоскость живого повествования, в современный автору момент.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
3. Иванова Н. В. Противопоставление образов автора и адресата как композиционный прием в житийной лирике Гонсало де Берсео // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 1. С. 25-29.
4. Плавский З. И. Литература Испании. От зарождения до наших дней: в 2-х т. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. Т. 1. IX-XVIII вв. 511 с.
5. Федорова В. М. Особенности средневекового мышления, существенные для понимания художественного времени [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-srednekovogo-myshleniya-suschestvennyedlya-ponimaniya-hudozhestvennogo-vremeni> (дата обращения: 04.07.2019).
6. Berceo G. El martirio de San Lorenzo [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-martirio-de-san-lorenzo--0/html/fedecf60-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_0_ (дата обращения: 08.02.2019).
7. Berceo G. La vida de San Millán de la Cogolla [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/vida-de-san-millan-de-la-cogolla--0/html/0025e250-82b2-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_1_ (дата обращения: 07.04.2019).
8. Berceo G. Milagros de Nuestra Señora. Madrid: Editorial ALBA, 1998. 128 p.
9. Berceo G. Vida de Sancta Oria, Virgen [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/vida-de-sancto-domingo-de-silos-vida-de-sancta-oria-virgen--0/html/00048970-82b2-11df-acc7-002185ce6064_5.html#I_7_ (дата обращения: 17.07.2019).
10. Berceo G. Vida de Sancto Domingo de Silos [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/vida-de-sancto-domingo-de-silos-vida-de-sancta-oria-virgen--0/html/00048970-82b2-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_0_ (дата обращения: 09.07.2019).
11. Bustos Tovar J. J. Introducción al Poema de Mio Cid // Poema de Mio Cid. Madrid: Alianza Editorial, 2005. P. 7-80.
12. Pedraza Jiménez F. B., Rodríguez Cáceres M. Historia esencial de la literatura española e hispanoamericana. Madrid: EDAF, 2008. 784 p.
13. Poema de Mio Cid. Madrid: Alianza Editorial, 2005. 330 p.

**BETWEEN PAST AND PRESENT:
PECULIARITIES OF REPRESENTING THE CATEGORY OF TIME IN GONZALO DE BERCEO'S WORKS**

Ivanova Nina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
nina.vl.ivanova@mail.ru

The article examines the works of the medieval Spanish poet Gonzalo de Berceo in the context of changes in the perception of the time category in the European culture of the XIII century. These changes involved abandoning the conception of absolute past and appealing to modern reality. The opposition of temporal planes of past and present plays an essential role in the organization of Berceo's poetical texts. Contrasting but interacting temporal planes allow two-dimensional human-centred interpretation of Berceo's texts. It's a manifestation of a relevant for that epoch tendency to focus on present, on the surrounding world and, consequently, on a human being.

Key words and phrases: category of time; temporal plane; medieval Spanish literature; mester de clerecía; Gonzalo de Berceo.

УДК 82-94(5)

Дата поступления рукописи: 04.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.18>

Анализ творческих связей литературной интеллигенции Азербайджана 20-30-х годов прошлого столетия показал, что в начале XX века в азербайджанской литературе начался совершенно новый этап развития, названный критическим реализмом. В работе рассмотрены основные направления деятельности литературной школы Карабаха под влиянием идей Мирзы Джалила Мамедкулизаде. Духовно-нравственная среда Карабаха аккумулировалась вокруг города Шуши, где уровень развития культуры способствовал формированию кадров национальной музыкальной и литературной интеллигенции. Автором установлены взаимосвязи, которые способствовали этому процессу.

Ключевые слова и фразы: критический реализм; литературные школы в Азербайджане; карабахская интеллигенция; Мирза Джалил Мамедкулизаде; интеллигенция Шуши; азербайджанская литература; творческие связи.

Кулиев Васиф Хосров оглу

Национальный музей азербайджанской литературы имени Низами, г. Баку, Азербайджан
vasif5000@mail.ru

ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДЖАЛИЛА МАМЕДКУЛИЗАДЕ И КАРАБАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Введение. Джалил Мамедкулизаде (1869-1932) – самобытный писатель, активный общественный деятель, хорошо знавший историю страны, восточную, западную и русскую литературу и культуру в целом. Его просветительские идеи повлияли на становление самосознания общества. Идеи, активно обсуждаемые литературой критического реализма, сатирической прессой под влиянием воззрений этого видного писателя и общественного деятеля, также активно повлияли на ход борьбы за национальную независимость. Он прославился как общественный деятель, проповедник демократических идей, став основателем знаменитой Закавказской (Горийской) семинарии, одного из важнейших научных и образовательных центров региона. Более того, Нахчыванский театр, одно из главных его созданий, сыграл особую роль в становлении и духовной эволюции нахчыванской литературной и драматургической школы.

Джалил Мамедкулизаде является основателем критического реализма в азербайджанской литературе, создателем литературной школы «Молла Насреддин» и одним из главных деятелей движения за национальную независимость. Он основал новую, реалистическую, сатирическую литературу и демократическую прессу в Азербайджане. Он нашел себе нескольких близких и искренних друзей-единомышленников среди живших в Карабахе представителей интеллигенции (поэтов, врачей, преподавателей, музыкантов и др.). Выдающийся литератор активно сотрудничал с ними, поддерживая дружеские отношения до конца жизни.

Актуальность данного исследования обусловлена принципиальной ролью литературного творчества М. Дж. Мамедкулизаде для становления и развития национальной культуры. Благодаря его наследию, широкому диапазону сотрудничества с интеллигенцией страны, в том числе Карабаха, значительно ускорилось формирование новых течений в рамках критического реализма, а также романтизма. Сильнейший импульс при этом получило становление прозы советского периода. Помимо этого, творчество последователей школы Мирзы Джалила сказалось и на формировании в народном сознании национальной идентичности.

Целью нашей статьи является определение основных направлений литературно-художественного взаимодействия представителей критического реализма, основа которого заложена именно М. Дж. Мамедкулизаде и развита в последующем передовыми представителями творческой интеллигенции Карабаха, что привело к новым духовным достижениям в образовании, искусстве и литературе. Карабах с центром в Шуше готовил кадры учителей и музыкантов для всего региона. Выходцы из Карабаха получали образование в самых престижных